

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Технологии стали вездесущими, без них едва ли возможно вообразить повседневную жизнь человека. В результате их активного использования у индивида возникает ощущение, будто бы он является важным участником разнообразных процессов, происходящих в глобализированном мире. Целью настоящего теоретико-аналитического исследования является анализ потенциала теории социальных представлений для изучения трансформаций, которые происходят с человеком в цифровом обществе. Проанализировав основные положения теории, кратко остановившись на основных теоретических и методологических подходах, делается вывод о том, что эта теория дает возможность ответить на вопрос, как человек выстраивает объяснение новому явлению и выстраивает свое поведение в соответствии с ним. Современная эпоха в полной мере является эпохой визуальной культуры, где власть текстов (которая соответствовала поколению родителей) сменилась властью изображений (на уровне подростково-молодежной среды). На эту особенность можно взглянуть через призму идей этой теории, говоря о фигуративной и лингвистической риториках. Наконец, теория социальных представлений позволяет артикулировать процессы коммуникации, социальные представления, объяснять, как последние регулируют социальное поведение и социальные отношения в цифровом мире.

Ключевые слова: переживание в деятельности, качество мотивации, теория самодетерминации, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, академическая мотивация.

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта “Разработка модели профайлинга онлайн-поведения несовершеннолетних в социальных сетях” при поддержке МГППУ.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

Для цитаты: Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157. DOI:10.17759/psylaw.2020100310

Living in a Digital Society: from the Point of View of One Social Psychological Perspective

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Technology has become ubiquitous, and without it it is hardly possible to imagine everyday human life. As a result of their active use, the individual feels as if he is an important participant in various processes taking place in a globalized world. The purpose of this theoretical and analytical study is to analyze the potential of the social representations theory to study the transformations that occur to a person in a digital society. Theory makes it possible to answer the question of how a person builds an explanation for a new phenomenon and builds his behavior in accordance with it. The modern era is an era of visual culture, where the power of texts (which corresponded to the generation of parents) was replaced by the power of pictures (at the level of the adolescents and young people). This feature can be viewed through the prism of the ideas of this theory, speaking of figurative and linguistic rhetorics. Finally, the theory of social representations allows us to articulate the processes of communication, social representations, and explain how the latter regulate social behavior and social relations in the digital society.

Keywords: activity-related experience, quality of motivation, self-determination theory, intrinsic motivation, extrinsic motivation, academic motivation.

Funding: This article is a part of the research project “Development of a model for profiling online behavior of minors in social networks” financed by MSUPE

For citation: Bovina I.B, Dvoryanchikov N.V. Living in a digital society: from the point of view of one social psychological perspective. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157. DOI:10.17759/psylaw.2020100310 (In Russ.).

Введение

Возникновение и широкое распространение технологий, среди которых важное место занимает Интернет — характерная особенность современного мира. В соответствии со

статистикой Hootsuite за 2019 г. [16]: 57% населения планеты (4,388 млрд человек) являются пользователями сети Интернет, 45% населения земного шара (3,5 млрд человек) ежедневно уделяют время социальным сетям. С каждым годом отмечается экспоненциальный рост этих показателей [16]. Данные для Российской Федерации таковы: 76% населения используют Интернет, чуть меньше - 49% - социальные сети. В среднем пользователи Интернета в России проводят в сети 6 часов 29 минут ежедневно (что в 1,55 раз меньше, чем на Филиппинах (максимальный показатель), но в 1,73 раза больше, чем в Японии (минимальный показатель [16])). По данным того же источника - на социальные сети тратится ежедневно 2 часа 16 минут [16]. Если резюмировать статистические данные, то общая тенденция такова: неуклонно растет количество пользователей Интернета и социальных сетей, наиболее активной группой населения оказываются представители подростково-молодежной среды, наряду с этим ежегодно снижается как возраст дебюта использования Интернета снижается, так и возраст, в котором пользователи самостоятельно используют Интернет и решают, какой именно контент они будут употреблять [20].

Этот источник массовой коммуникации индивидуализировался и стал мобильным, благодаря техническим средствам [20]. По результатам исследований, проведенных в европейских странах (включая Россию), представляется возможным говорить о том, что за десятилетие значительно выросло число пользователей смартфонов, а время, которое счастливые обладатели новых технологий проводят в сети Интернет, увеличилось, удвоившись в ряде стран [35]. И речь в этом исследовании идет о детско-подростковой среде. А.Кенде отмечает, что: «Социальные медиа (и сопутствующие технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [19, р.277]. Общение теперь происходит преимущественно в Интернет-пространстве. Даже беглого взгляда достаточно для того, чтобы заметить, что на занятиях (будь то в школе или в университете), сидя в кафе, передвигаясь по улице, пребывая в общественном транспорте и пр. - верные пользователи всемирной сети Интернет неотступно отслеживают события, знакомятся с новостями и сами создают их, размещая посты в социальных сетях, реагируют на информацию - от использования стилизованных графических изображений человеческого лица, до более или менее объемного текста, не прекращают онлайн игр, наблюдают за спортивными состязаниями или терпеливо ожидают, чтобы кто-то отреагировал на то или иное сообщение в социальной сети. Безусловно, требуется систематическое наблюдение за тем, сколько времени проводят пользователи в сети Интернет, однако имеются серьезные основания усомниться в том, что самооценочные данные, которые приведены выше относительно использования Интернета и социальных сетей, верны. Усомниться в точности оценок можно по целому ряду причин: будь то погруженность в деятельность онлайн, которая искажает восприятие и оценку времени, проведенного в сети, или самооправдание, ибо самонаблюдение демонстрирует, что человек проводит слишком много времени в сети — в общественном транспорте, во время занятий в учебном заведении, дома и пр., т. е. пользователь, без сомнения, занижает оценку времени, проведенного в сети.

В эпоху пятой информационной революции [4] технологии встраиваются в повседневную жизнь человека, преобразуя и трансформируя ее так, что у него возникает ощущение, будто бы он является важным участником многочисленных глобальных процессов. Активно используя технические средства, он становится свидетелем (правда,

только виртуальным) целого ряда событий, происходящих в разных точках планеты. Подобно журналисту, он ведет собственный блог, высказывает свое мнение по поводу того или иного события, дает советы, по аналогии с выпускающим редактором, определяет иерархию новостей в списке оных, пускается в обсуждение интересующих его тем с совершенно неизвестными людьми, соглашается или спорит, блокирует участников общения, которые, вероятно, не разделяют его воззрений и пр. Другими словами, Интернет открыл человеку такие возможности, которых у него не было до появления этого средства [5], и едва ли возможны вне сети Интернет. Действительно - тысячи едва ли знакомых персонажей в категории “друзья” в социальных сетях, позиция эксперта по любому вопросу с последующим бесплатным тиражированием идей, равенство позиций - едва ли такое возможно вне сети Интернет.

В фокусе нашего внимания - вопрос о том, что, с социально-психологической точки зрения, происходит с индивидом в эпоху пятой информационной революции. Для ответа на него требуется адекватная теоретическая рамка, что и определяет цель излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования. В фокусе нашего внимания в настоящей работе потенциал теории социальных представлений для объяснения трансформаций, происходящих с человеком в цифровом мире. Выбор в пользу данной теории объясняется следующим образом: *во-первых*, имеет смысл отдавать предпочтение теориям или моделям, которые опираются на богатый эмпирический (преимущественно, экспериментальный) материал, позволяющий проверить основные положения, а не разнообразным эмпирическим фактам, которые еще только требуют своего теоретического осмысления. В случае изучения того, что происходит с человеком в цифровом мире - имеются самые разнообразные эмпирические факты, полученные вне рамок психологии. Однако использование их для разрешения интересующей проблемы или построения сколько-либо серьезного прогноза действий человека на их основе - дискуссионно. *Во-вторых*, объяснительная сила именно этой теории соответствует природе интересующего явления, социальный характер делает эту теорию, несомненным, лидером, по сравнению с объяснительными схемами, апеллирующими к интраиндивидуальным конструктам. Другой социально-психологический подход, сравнимый по своей объяснительной силе с теорией социальных представлений, и в рамках которого имеется значительное количество исследований, соответствующих рассматриваемой проблеме, - подход социальной идентичности [37]. *В-третьих*, несмотря на то, что в 2016 году вышла серьезная монографическая работа Т.П.Емельяновой по социальным представлениям [2], многочисленные публикации последних лет, вплоть до диссертационных работ, демонстрируют достаточно странные тенденции: исследователи пытаются установить связь личностных и индивидуально-психологических особенностей с особенностями социальных представлений; предполагают, что, используя прототипический анализ П.Вержеса [38], можно исследовать представление о любом объекте (как не вспомнить, что “каждое социальное представление, конечно, представление об объекте. Но должно быть ясно, что не любой мыслимый объект является объектом социального представления” [15, р.31]; что условная группа обладает социальными представлениями; что само социальное представление - в рамках структурного подхода теории - может и не иметь ядра, а всего лишь периферию и пр. В работе мы остановимся на основных положениях этой теории и продемонстрируем потенциал теории социальных представлений для изучения того, что происходит с человеком в эпоху пятой информационной революции.

Теория социальных представлений, предложенная С.Московиси - это ключевая европейская социально-психологическая традиция (наряду с подходом социальной идентичности) [14], существующая уже почти шесть десятков лет. Картография научных публикаций, предпринятая недавно А. Де Розой, убедительно демонстрирует, что теория социальных представлений нашла своих сторонников и последователей на всех континентах [33]. Количество научных публикаций, опирающихся на идеи этой теории, растет [12;22;33]. “Очевидно, - пишет С.Московиси, - что понятие социальных представлений пришло к нам от Дюркгейма. Но мы имеем отличающуюся точку зрения на это, или, в любом случае, социальная психология должна рассматривать это под другим углом, чем это делается в социологии” [28, р. 30]. Если Э.Дюркгейм рассматривает представления как неразложимые далее объясняющие принципы, то Московиси предлагает рассматривать социальные представления (СП) с точки зрения их структуры и динамики, в этой связи он предлагает “считать феноменом то, что ранее рассматривалось как понятие” [28, р.30]. Согласно одному из многочисленных определений СП, предложенных С. Московиси, это: “системы ценностей, идей и практик с двоякой функцией...: во-первых, установить порядок, который позволит индивидам ориентироваться в своем материальном и социальном мирах и овладевать ими; во-вторых, обеспечить коммуникацию между членами сообщества, снабдив их кодом для социального обмена и кодом для присвоения имен и классификации различных аспектов их мира и их индивидуальной и групповой истории” [25, С. xiii]. СП можно рассматривать как специфическую форму социального знания, соединяющую в себе понятийный и образный компоненты [28]. Концептуальный аспект рассматривается в связи со знанием и с языком, иконический - подчинен концептуальному. И хотя можно отдать предпочтение слову, по сравнению с образом, однако из этого вовсе не следует, что сам образ при этом исчезнет [28]. Эта двойственность аспектов представления (концептуального и иконического) приобретает особую значимость в связи с социальным неравенством, где массам доступен преимущественно иконический аспект, а более привилегированным классам, элите - преимущественно более сильный аспект представления – концептуальный. Аналогичным принципом руководствуются современные СМК: фигуративная риторика ориентирована на массы, лингвистическая же – на просвещенное меньшинство [30].

Как отмечает С.Московиси, главное предназначение СП заключается в том, чтобы объяснить, как люди понимают научное знание, экспертное мнение и артикулируют его со здравым смыслом [27].

Будучи социально созданными и разделенными, СП организованы и обладают определенной социальной полезностью. Существование СП подразумевает существование группы (реальной, а не условной!), которая вырабатывает, разделяет их и использует в своей повседневной жизни. Действительно так называемый “наивный ученый” или пресловутый “человек с улицы”, как его определяет С.Московиси [30], не может *придумать* здравого смысла самостоятельно, ибо этот смысл порождается в многочисленных коммуникациях. История, культура, наука и масс медиа оказываются тем самым материалом, который используется “наивными учеными” в коммуникациях для построения СП.

СП конструируются и распространяются в межличностных и массовых коммуникациях [12]. Предлагается различать целый ряд уровней, на которых реализуется коммуникация [23]: во-первых, *межличностной уровень*. Здесь происходит коммуникация среди людей, обладающих высокой социальной близостью - будь то члены семьи, друзья, коллеги. Этой

неформальной коммуникации присущи все особенности межличностного общения. На этом уровне происходит так называемая социальная валидизация выводов, категоризации и атрибуции в общении со значимыми другими. В силу того, что участники межличностного общения нацелены на поддержание и развитие существующих контактов, предполагается что они стремятся к достижению определенного консенсуса; во-вторых, *уровень публичных дебатов* - как и в случае первого уровня - речь идет о межличностной коммуникации, однако - индивид не принимает в ней участия, а лишь наблюдает за тем, как в дискуссии участвуют другие персонажи, которые нацелены на высказывание своей позиции, своего мнения. Здесь имеет место не консенсус, а столкновение мнений; в-третьих, *уровень СМК* - реципиенты сталкиваются с колоссальным количеством разнообразной, противоречивой информации, которая не принимается полностью как истинная, но и не рассматривается как ложная. Это материал, используемый индивидами для построения СП. На этом уровне характерно возникновение феномена «снежного кома»: чем больше люди говорят о чем-либо, тем более важным оно становится, как следствие - они еще больше об этом говорить; наконец, *уровень культурной коммуникации* объединяет литературную, театральную и кинематографическую продукцию, посредством которой также происходит коммуникация.

СП выполняют целый ряд функций: будь то трансформация чего-то неизвестного, пугающего, зловещего - в известное; или облегчение коммуникации за счет обеспечения участников определенными кодами, выработанными в многочисленных диалогах; ориентация социального поведения и оправдание социальных отношений; наконец - конструирование и поддержание социальной идентичности [6;9;13;25].

СП можно охарактеризовать, если апеллировать к идее М.-Л.Рукета о социальном мышлении [15], согласно которой мышление имеет многоуровневое строение и включает: мнения, социальные установки, СП, а также - убеждения, ценности, нормы и тематику (последние конструкторы принадлежат идеологическому уровню, наиболее инертному - в структуре социального мышления, конструкторы этого уровня имеют наименьшую вариативность между индивидами). Тогда местоположение СП - уровень, подчиненный идеологическому и надстраивающийся над мнениями и социальными установками. Конструкторы более высокого уровня влияют на нижележащие, т.е. изменения, происходящие на более высоком уровне, затрагивают все подчиненные конструкторы, соответственно, изменения, происходящие на более низком уровне в структуре социального мышления, не затрагивают конструкторов более высокого уровня. П.Молине и К.Гимелли предлагают различать четыре теоретических подхода к анализу СП: 1) социогенетический, 2) структурный, 3) социодинамический; 4) диалогический [24]. Эти подходы вовсе не противостоят друг другу, а взаимодополняют друг друга [24], ибо они базируются на различающихся трактовках СП, данных самим С.Московиси в ряде работ. В фокусе внимания социогенетического подхода, предложенного С.Московиси, находится вопрос о порождении и развитии СП (что и было отражено исследовании, посвященном СП о психоанализе [27]). Возникновение СП - связывается с необходимостью объяснить что-то новое, странное, неизвестное, пугающее. Два механизма объясняют порождение СП - *якорение и объективация*. Якорение - это процесс, посредством которого странный и незнакомый объект СП пересоздается в существующие уже ментальные системы, привычные для нас категории. Осуществляется классификация или категоризация интересующего нас объекта, затем он получает соответствующее имя, т.к., не будучи категоризованным и названным, объект продолжает быть пугающим. Этот процесс

способствует выработке общих понятий, общего языка и *точек отсчета* [32]. Объективация - подразумевают процесс, посредством которого происходит превращение абстрактного и неоощуяемого в нечто конкретное и материальное. Это превращение есть переход с уровня идей на уровень существования в физическом мире, посредством которого абстрактный объект превращается в часть нашей социальной реальности и становится оощуяемым. В таком виде объект становится доступным для коммуникации, он как бы приобретает плотность значений, которая допускает «натуральную» фиксацию объекта в умах людей. Это посредством объективации возникает комплекс образов, который визуализирует комплекс идей – фигуративное ядро. Этот процесс значительно пересекается с процессом символизации. Ведь благодаря символам люди чувствуют, что сложные вещи становятся им понятными даже при беглом взгляде на них, ибо символы представляют в простой и доступной форме нечто сложное и комплексное. Процесс объективации реализуется в двух формах: *схематизации* (или фигурации) и *персонификации*. В результате – образы становятся элементами реальности, а не мысли. Окружающий нас мир, по сути, и образован такими образами [28]. Посредством этих двух процессов нечто, странное и угрожающее превращается в нечто знакомое и понятное, обретает свою реальность среди других известных и знакомых объектов, которые можно увидеть, потрогать, но самое главное - проконтролировать. Если якорение основывается на разделенном знании *прошлого*, то объективация базируется на переживаниях *настоящего* теми или иными членами группы [39;40]. В результате этого процесса образ и значение становятся взаимозаменяемыми.

По аналогии с тематическим анализом науки, предпринятым Г.Холтоном, в начале 90-х годов теория СП получила свое дальнейшее развитие благодаря тому, что было введено новое понятие – *темата* [26;31]. Под тематой подразумевается первоидея, “источник идей”, который порождает новые аксиомы в эволюции наших представлений о мире. Будучи глубоко укорененной в культуре, темата являет собой часть знаний или убеждений, разделенных людьми, она присутствует в коммуникации эксплицитно или имплицитно и принимается как само собой разумеющееся [30]. СП, будучи комплексными образованиями, вписаны в рамку предшествующих идей, всегда коренятся в ценностях и традициях. По сути, введение этого понятия открывает возможность рассматривать роль коллективной памяти и языка в процессе формирования СП, ибо сама темата поддерживается коллективной памятью и языком.

Структурный подход, предложенный Ж.-К. Абриком и К.Фламаном, нацелен на анализ структуры СП (центральной системы (ядра) и периферии) [6;24]. Ядро является стабильной и устойчивой частью СП, связанной с коллективной памятью, с историей группы, с ее ценностями и нормами. Здесь располагаются элементы, в наибольшей степени коренящиеся в культуре. Функции ядра заключаются в следующем: смыслообразование, организация и стабилизация [24]. Стабильность ядра СП достигается в результате процесса объективации. Ядро кристаллизуется в ценностной системе, разделенной членами группы, оно поддерживается за счет коллективной памяти. Очевидно, что не может быть речи о СП без ядра (!).

Периферическая система СП конкретизирует значение ядра СП, это связующее звено между ядром и той конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и действует СП. Периферическая система характеризуется вариативностью и изменчивостью [24]. За счет этого свойства периферия позволяет СП адаптироваться к изменяющемуся контексту, в том

числе и к историческому эволюционированию. Это своего рода “защитная система” ядра СП, по сути, - и всего СП, ибо изменение ядра ведет к изменению СП. В рамках этого подхода в жизни СП предлагается выделять ряд этапов, отражающих динамику СП: *зарождение, стабилизация и трансформация* [24]. *Зарождение* СП соотносится с появлением нового объекта (который обладает полиморфностью) или с повышением социальной значимости уже известного (например, важность работы для индивидов, находящихся в ситуации безработицы). Потенциальные объекты представлений должны обладать такими необходимыми характеристиками: 1) «социокогнитивная выпуклость» в данной культуре в какой-то определенный момент; 2) интересующая нас группа должна иметь какой-либо опыт *действия* в отношении потенциального объекта СП [15]. Продолжительность процесса формирования варьирует в зависимости от того, насколько группе доступна необходимая информация, насколько сложна система коммуникация, каков сам объект представления. Как отмечал Ф.Бартлетт, новое не приходит в культурный вакуум, оно подвергается влиянию уже существующих значений [7], что придает специфику формирующимся СП. На этапе *стабилизации* на уровне ядра СП превращается в консенсусное знание, оно выполняет свои функции, становится средством объяснения окружающего мира. Изменение СП наступает тогда, когда оно уже не способно выполнять свои функции. С точки зрения структурного подхода, процесс *трансформации* представлений означает, что происходит изменение ядра представлений, например, элементы ядра перемещаются в периферическую систему, а элементы периферической системы – в ядро. Любопытно, что Ю.М.Лотман называет смену элементов ядра и периферии одним из «механизмов структурной динамики» [3, с.553].

Социодинамический подход, разрабатываемый В.Дуазом с коллегами [10;11], нацелен на анализ того, как социальная структура влияет на формирование СП, в фокусе внимания – анализ СП, определяемых как “организующие принципы принятия позиции, они связаны со специфическим включением в социальные отношения и организуют символические процессы, вторгающиеся в эти отношения” [10, р.243]. Социальная позиция подразумевает обладание некоторой общей базой, языком, разделенным между людьми. Если в структурном подходе консенсус является основополагающим принципом СП, то в рамках социодинамического подхода консенсус отрицается.

В рамках диалогического подхода, предложенного И.Марковой, теория СП позиционируется как теория социального знания [21]. Основываясь на идеях М.М. Бахтина о диалогическом общении [1], она помещает в фокус анализа понятие диалогичности, определяемое как “фундаментальная способность человеческого разума постигать, создавать и сообщать о социальных реалиях в терминах эго-альтер” [21, р. 93]. Эта способность является результатом филогенеза и социокультурной истории человека. Развивая идею диалогичности, И.Маркова подчеркивает важность диалогической коммуникации в связи с формированием интересубъективности. Динамической единицей теории социального знания является триада “Эго-Альтер-Объект”. “Фундаментальным понятийным инструментом в развитии теории социального познания”, - по выражению Марковой [21, р. 57], является мышление в антиномиях”. Этот инструмент кажется очень перспективным в отношении понятия темы.

С методологической точки зрения, П.Молине и К.Гимелли различают четыре подхода к анализу СП (хотя это разделение и условно): 1) этнографический, 2) социологический, 3) кросскультурный и 4) экспериментальный [24].

Этнографический подход отражен в исследовании Д.Жоделе, в котором она

анализировала СП о психической болезни в одном французском городе, где больные проживали вне психиатрической клиники, в семьях, в обязанности которых входила забота о больных, не являющихся родственниками [17]. Поместив в фокус исследования жителей небольшого города, которые в повседневной жизни сталкиваются с проблемой психической болезни - являются экспертами по проблеме психического неблагополучия на основе своего повседневного опыта, Жоделе, используя комплексную стратегию исследования (объединяющую интервью, наблюдение, анализ документов), проанализировала порождение СП.

Социологический подход - именно с него все и началось, ибо он реализуется С.Московиси в исследовании СП о психоанализе, в фокусе внимания оказываются социально-демографические критерии для сравнения СП о психоанализе [27].

Кросскультурный подход позволяет анализировать то, как нормы или традиции, соответствующие той или иной национальной группе, влияют на содержание и структуру СП.

Экспериментальный подход позволяет ответить на вопрос о том, как переменная или ряд переменных влияют на СП (например, на динамику представлений). Эта исследовательская стратегия зачастую используется в работах представителей структурного подхода [24].

В рамках теории СП различают системы массовой коммуникации [30]: *распространение* (эта система нацелена на широкую передачу информации значительной аудитории, опирающаяся на дистанцированный, интеллектуальный стиль), *воспроизведение* (нацеленность на группы, имеющие сходные взгляды о некотором явлении; опирается на апелляцию к нормам и ценностям, разделенным в группе), *пропаганда* (способ усиления идентичности и побуждения к действию).

Рассматривая ситуацию возникновения и широкого распространения новых технологий, в частности — Интернета, С.Московиси отмечает, что социальные сети и виртуальная реальность — это «магистраль» информации, по которым распространяются — СП, обладающие определенной логикой, С.Московиси называет их киберпредставлениями [29]. В перспективе необходимость исследовать новые явления, а именно: “как здравый смысл, языковой обмен и группы формируются в кибер-коммуникации” [29, р.19]. Развитие этой идеи последователями Московиси позволило описать новую систему коммуникации — эффузию [8]: участники коммуникации обладают эквивалентными статусами, их позиция власти в процессе коммуникации взаимозаменяемы, асимметрия статуса, характерная для всех остальных систем, - отсутствует. Цели, которые преследуются, а также аудитория, к которой обращается коммуникатор в случае эффузии, отличаются от оных в классических системах, описанных С.Московиси [27]. Предполагается не только обмен информацией, но впечатлениями, оценками, чувствами и эмоциями. Как отмечает Ф.Бушини, представляется возможным проводить аналогии между этой системой коммуникации и слухами, ибо в обоих случаях информация передается от коммуникатора к реципиенту, каждый из них - взаимозаменяем и обладает равным статусом, здесь нет той асимметрии, которая присуща классическим системам [8]. Эта система коммуникации подразумевает не только ориентацию на других, но и активное вовлечение в коммуникацию ее участников, что объясняет трансформации общения в сети Интернет.

Даже из краткого рассмотрения основных идей теории СП, очевидно, что этот подход обладает богатым потенциалом для анализа того, что происходит с человеком в эпоху пятой

информационной революции: новые технологии становятся объектами СП (будь то компьютеры, Интернет или социальные сети [34;36]). В ситуации доминирования визуальной риторики, ибо мы живем в эпоху визуальной культуры, когда на смену власти текстов (которая соответствовала поколению родителей) пришла власть изображений (на уровне подростково-молодежной среды) [18], теория СП позволяет понять суть этих трансформаций.

Будучи средством анализа социального поведения, теория СП дает ключ к пониманию того, как массовая коммуникация связана с СП, которые, в свою очередь, регулируют социальное поведение и социальные отношения. И ответ на вопрос о том, как поведение в сети Интернет соотносится с оным в реальной жизни, доступен через призму анализа этой теории.

Заключение

Технологии стали всеобъемлющими, сложно представить повседневную жизнь человека без них. В результате у индивида возникает ощущение, будто бы он является важным участником разнообразных процессов, происходящих в глобализированном мире. Используя все новые и новые технические средства, он становится свидетелем целого ряда событий, свершающихся в разных уголках планеты. Подобно журналисту, он ведет собственный блог, высказывает свое мнение по поводу того или иного события, дает бесценные советы; по аналогии с выпускающим редактором, определяет иерархию списка новостей, пускается в обсуждение интересующих тем с совершенно неизвестными людьми, соглашается или спорит, блокирует участников общения, которые, вероятно, не разделяют его воззрений и пр. Другими словами, Интернет открыл перед человеком такие степени свободы, которых у него не было до появления этого средства [5], и которые, едва ли возможны в реальной жизни: действительно - тысячи едва ли знакомых людей в категории “друзья” в социальных сетях, ощущение собственной экспертности по любому вопросу с последующим бесплатным тиражированием идей и пр., - едва ли такое возможно вне сети Интернет.

Целью излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования был анализ потенциала теории СП для изучения трансформаций, которые происходят с человеком в эпоху пятой информационной революции. Проанализировав основные положения теории, кратко остановившись на основных теоретических и методологических подходах, мы приходим к выводу, что подход обладает богатым потенциалом для анализа трансформаций, происходящих с человеком в цифровом мире: новые технологии становятся объектами СП (будь то Интернет [34] или социальные сети). Теория СП дает возможность ответить на вопрос, как человек выстраивает объяснение новому явлению и выстраивает свое поведение в соответствии с ним [36]. Современная эпоха в полной мере является эпохой визуальной культуры, где власть текстов (которая соответствовала поколению родителей) сменилась властью изображений (на уровне подростково-молодежной среды) [18]. Взглянув на это через призму идей теории СП, получим: фигуративная риторика нацелена на массы, а лингвистическая – на просвещенное меньшинство [30]. Наконец, теория СП является средством анализа социального поведения, ибо она дает ключ к пониманию того, как массовая коммуникация связана с СП, которые, в свою очередь, регулируют социальное поведение и социальные отношения.

Настоящую работу можно считать своего рода дань уважения автору теории - С.Московиси, которому 14 июня этого года исполнилось бы 95 лет. Справедливости ради

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

заметим, что юбилейная статья, посвященная С.Московиси, его вкладу в развитие социальной психологии, опубликована П.Молине [22].

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. *Собр. соч.: В 7 т.* М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 341 с.
2. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Издательство Института психологии РАН. 2016. 476 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство - СПб, 2000. 704 с.
4. Ракилов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // *Вопросы философии.* 1994. № 4. С. 14-34.
5. Тхостов А.Ш. Трансформация высших психических функций в эпоху информационного общества [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo](https://www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo) (дата обращения: 08.08.2020).
6. Abric J.-C. *Pratiques sociales et représentations.* Paris: Presses Universitaires de France. 1994. 251 p.
7. Bartlett F.C. Conventionalisation // Bartlett F.C. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology.* Cambridge: Cambridge University Press. 1932. P.268-280.
8. Buschini F. Diffusion, propagation, propagande : et après ? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales // Paper presented at the EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici. 2016. 17—18 November.
9. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept. In W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales.* Neuchatel: Delachaux & Niestlé. 1986. P.86-98.
10. Doise W., Clémence A., Lorenzi-Cioldi, F. Représentations sociales et analyses de données. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. 1992. 365 p.
11. Doise W., Spini D., Clémence A. Human Rights Studies as Social Representations in a Cross-cultural Context // *European Journal of Social Psychology.* 1999. № 29. P. 1-29.
12. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangertner A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis // *Papers on Social Representations.* 2011. № 20. P. 11.1—11.19.
13. Empirical approaches to social representations / G. Breakwell & D. Canter (eds.). Oxford: Oxford University Press. 1993. 350 p.
14. Farr R. The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell Publishers. 1996. 166 p.
15. Flament C. Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin. 2003. 256 p.
16. Global digital report 2019 — We are social [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (дата обращения: 06.08.2020).
17. Jodelet D. Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press. 1991. 316 p.
18. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo, S. R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader.* New York: Peter Lang, 2007. P. 157—165.
19. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // *European Journal of Social Psychology.* 2015. Vol.45. P.277-278. DOI:10.1002/ejsp.2097
20. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K., with members of the EU kids online

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

network. EU kids online. London: Final report. September. 2011. 54 p.

21. *Markova I.* Dialogicality and social representations. The dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 224 p.

22. *Moliner P.* On Serge Moscovici's 95th Anniversary: The Theory of Social Representations - History, Postulates and Dissemination// RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol.17. P.524-536.

23. *Moliner P.* Une approche chronologique des représentations sociales. In: P. Moliner (ed.). *La dynamique des représentations sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. 2001. P.245-268.

24. *Moliner P., Guimelli C.* Les représentations sociales. Grenoble : Presses Universitaire de Grenoble. 2015. 139 p.

25. *Moscovici S.* Foreword. In: C. Herzlich (ed.). Health and illness. A social psychological analysis. London: Academic Press. 1973. P.ix—xiv.

26. *Moscovici S.* Introductory address // Papers on Social Representations. 1993. № 2. P. 1—11.

27. *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France. 1961. 652 p.

28. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations. In: G. Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N. Y.: New York University Press. 2000. P.18-77.

29. *Moscovici S.* Vygotsky, le Grand Robert et la cyber-représentation // Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale. 1995. Vol.28. P.15-21.

30. *Moscovici S.* Why a theory of social representations?. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 18-61.

31. *Moscovici S., Vignaux G.* Le concept de thémata. In: C. Guimelli (ed.). *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé. 1994. P. 26-72.

32. *Orfali B.* Active minorities and social representations: two theories, one epistemology// Journal for the theory of social behaviour. 2002. Vol.32. P.395-416.

33. *de Rosa A.S.* Mise en réseau scientifique et cartographie de la dissémination de la théorie des représentations sociales et son impact sur la culture bibliométrique. In: G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications*. Bruxelles: De Boeck Supérieur. 2016. P.51-68.

34. *Salesses L.* Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une représentation sociale // Les cahiers internationaux de psychologie sociale. 2005. № 66. P. 25–42.

35. *Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U.* EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI: 10.21953/lse.47fdeqj01of0

36. *Tateo L.* Représentations sociales et nouvelles technologies. In: G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve : De Boeck Supérieur. 2016. P. 399-408.

37. *Tajfel H.* Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. P.1–39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

38. *Vergès P.* L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. T. XLV (405). P. 203—209.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

39. Wagner W. Social representations and beyond: brute facts, symbolic coping and domestic worlds// Culture and psychology. 1998. P.297-329.DOI:10.1177/1354067X9800400302

40. Wagner W., Duveen G., Farr R., Jovchelovitch S., Lorenzi-Cioldi F., Markova I., Rose D. Theory and method of social representations// Asian Journal of Social Psychology.1999 P.95-125.

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: M.M.Bakhtin (ed.). *Sobranie sochinenii v 7 tomakh* [Collected works in 7 volumes]. Moscow: Russkiye slovari: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2002. T. 6. 341 p.(In Russ.).
2. Yemel'yanova T.P. *Sotsial'nyye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskiye issledovaniya* [Social Representations: History, Theory, and Empirical Research]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN, 2016. 476 p. (In Russ.).
3. Lotman YU.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint-Petersbourg.: Iskusstvo - SPB, 2000. 704 p.(In Russ.).
4. Rakitov A.I. *Novyy podkhod k vzaimosvyazi istorii, informatsii i kul'tury: primer Rossii* [A new approach to the relationship of history, information and culture: an example of Russia]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 1994, no. 4, pp. 14-34. (In Russ.)
5. Tkhostov A.Sh. Transformatsiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy v epokhu informatsionnogo obshchestva [Transformation of higher mental functions in the era of the information society] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B8FuIeaAWfo> (Accessed 08.08.2020) (In Russ.).
6. Abric J.-C. *Pratiques sociales et représentations*. Paris: Presses Universitaires de France.1994. 251 p.
7. Bartlett F.C. Conventionalisation. In: F.C.Bartlett (ed.). *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1932, pp.268-280.
8. Buschini F. Diffusion, propagation, propagande : et après ? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales. *EASP Small group meeting in honor of Serge Moscovici*. 2016.17—18 November.
9. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept. In W. Doise, A. Palmonari (eds.). *L'étude des représentations sociales*. Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1986, pp.86-98.
10. Doise W., Clémence A., Lorenzi-Cioldi, F. *Représentations sociales et analyses de données*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1992. 365 p.
11. Doise W., Spini D., Clémence A. Human Rights Studies as Social Representations in a Cross-cultural Context. *European Journal of Social Psychology*, 1999.Vol. 29, pp. 1-29.
12. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis. *Papers on Social Representations*, 2011.Vol. 20, pp. 11.1—11.19.
13. Empirical approaches to social representations / G. Breakwell & D. Canter (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.
14. Farr R. *The roots of modern social psychology*. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 166 p.
15. Flament C., Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
16. Global digital report 2019 — We are social [Электронный ресурс].URL:<https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (Accessed: 06.08.2020).
17. Jodelet D. *Madness and social representations: Living with the mad in one French community*. Berkeley: University of California Press, 1991. 316 p.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

18. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo, S. R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang, 2007, pp. 157—165.
19. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015. Vol.45, pp.277-278. DOI:10.1002/ejsp.2097
20. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K., with members of the EU kids online network. *EU kids online*. London: Final report. September, 2011. 54 p.
21. Markova I. *Dialogicality and social representations. The dynamics of mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 224 p.
22. Moliner P. On Serge Moscovici's 95th Anniversary: The Theory of Social Representations - History, Postulates and Dissemination. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol.17, no3, pp.524-536.
23. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales. In: P. Moliner (ed.). *La dynamique des représentations sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001, pp.245-268.
24. Moliner P., Guimelli C. *Les représentations sociales*. Grenoble : Presses Universitaire de Grenoble, 2015. 139 p.
25. Moscovici S. Foreword. In: C. Herzlich (ed.). *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973, pp. ix—xiv.
26. Moscovici S. Introductory address. *Papers on Social Representations*, 1993, no 2, pp. 1—11.
27. Moscovici S. *La Psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961, 652 p.
28. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: G. Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N. Y.: New York University Press, 2000, pp.18-77.
29. Moscovici S. Vygotsky, le Grand Robert et la cyber-représentation. *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 1995. Vol.28, pp.15-21.
30. Moscovici S. Why a theory of social representations?. In: K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18-61.
31. Moscovici S., Vignaux G. Le concept de thémata. In: C. Guimelli (ed.). *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994, pp. 26-72.
32. Orfali B. Active minorities and social representations: two theories, one epistemology. *Journal for the theory of social behaviour*, 2002. Vol.32, pp.395-416.
33. de Rosa A.S. Mise en réseau scientifique et cartographie de la dissémination de la théorie des représentations sociales et son impact sur la culture bibliométrique. In: G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications*. Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016. P.51-68.
34. Salesses L. Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une représentation sociale. *Les cahiers internationaux de psychologie sociale*, 2005. Vol.66, pp. 25–42.
35. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. *EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries*. *EU Kids Online*. 2020. DOI: 10.21953/lse.47fdeqj01ofo
36. Tateo L. Représentations sociales et nouvelles technologies. In: G. Lo Monaco, S. Delouée,

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.
Человек в цифровом обществе: объяснительный
потенциал одной социально-психологической теории
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V.
Living in a digital society: from the point of view of one
social psychological perspective
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157.

P.Rateau (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve : De Boeck Supérieur, 2016, pp. 399-408.

37. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, pp.1–39.DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

38. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de psychologie*, 1992. Т. XLV (405), pp. 203—209.

39. Wagner W. Social representations and beyond: brute facts, symbolic coping and domestic worlds. *Culture and psychology*, 1998, pp.297-329.DOI:10.1177/1354067X9800400302

40. Wagner W., Duveen G., Farr R., Jovchelovitch S., Lorenzi-Cioldi F., Markova I., Rose D. Theory and method of social representations. *Asian Journal of Social Psychology*, 1999, pp. 95-125.

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Information about the authors

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Получена 10.06.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 10.06.2020
Accepted 07.09.2020